

Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109

# Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества\*

И.П. Рязанцев<sup>1</sup>, М.А. Подлесная<sup>2</sup>, И.В. Богдан<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет ул. Новокузнецкая, 23 Б, Москва, 115184, Россия

 $^2$ Институт социологии ФНИСЦ РАН ул. Кржижановского, 24/35, к.5, Москва, 117218, Россия

<sup>3</sup>НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы ул. Шарикоподшинниковская, 9, Москва, 115088, Россия (e-mail: dekan-soc@mail.ru; yamap@yandex.ru; BogdanIV@zdrav.mos.ru)

Концепт устойчивого развития в последние десятилетия стал основным теоретическим ориентиром для большинства стран. Не последнюю роль в обеспечении устойчивого развития играют традиции и ценности, в том числе установки молодежи, особенно студенчества, которое ориентировано на профессиональное будущее в России или за рубежом. Понимание вектора предпочтений студенческой молодежи во многом определяет стратегию развития страны и оценку ее человеческого капитала. В 2018 году авторы провели вторую волну эмпирического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (первая волна — 2012 год), ориентированного на изучение ценностей студентов таких ведущих вузов, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, и таких региональных вузов, как Тюменский государственный университет, Самарский государственный технический университет и Севастопольский государственный университет. Метод исследования массовый опрос учащихся с помощью анкеты, в том числе посредством онлайн-анкетирования. Всего было опрошено 2505 студентов. В качестве объяснительной модели использовалась концепция традиционалистской модернизации. В статье проанализированы результаты факторного анализа ценностных ориентаций учащихся по шкале Шварца и досуговых практик студентов, а также такие показатели, как авторитет и авторитетное мнение, ответственность и чувство толерантности студентов. Авторы приходят к выводу об универсализме ценностей студенческой молодежи, которые оказываются весьма гибкими в отношении как процессов модернизации, так и сохранения российской специфики, что несколько отличается от исследования 2012 года, где приверженность традиционализму была более выраженной. Авторы статьи интерпретируют этот факт как поколенческую черту людей, рожденных в благополучные 2000-е годы, что свидетельствует о постепенном переходе российского общества к универсализму ценностей, совмещению самых разных ценностных оснований и уходе от патерналистских установок. В статье представлен сравнительный анализ по ряду показателей столичных и региональных вузов, отмечена специфика тех и других, что позволяет говорить о разной степени универсализма ценностей.

**Ключевые слова:** российский университет; столичный и региональный вуз; студенческая молодежь и ее ценности; устойчивое развитие; традиционалистская модернизация; шкала Шварца; факторный анализ; универсализм ценностей

<sup>\* ©</sup> Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В., 2021 Статья поступила 13.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

Одним из важнейших аспектов развития общества является соотношение трансформаций и устойчивых оснований его жизнедеятельности. В социологии сложилось несколько школ, в которых развитие исследуется с разных позиций [12], но наиболее адекватным теоретическим инструментом для изучения указанного соотношения представляется концепт устойчивого развития. Н. Луман предлагал рассматривать устойчивость как критерий предпочтительного прогноза развития [6], понимая под свойствами устойчивости упругость системы и ее способность к амортизации.

Концепт устойчивого развития актуализировался в последние годы в связи с глобальными вызовами, угрожающими функционированию социальных систем (от государства до местного сообщества) [16; 18; 19; 20; 22; 23; 27; 28]. При этом социальная устойчивость часто понимается как способность социальных структур противостоять, воспринимать, справляться с угрозами и приспосабливаться к ним [4].

Развитие каждой страны имеет культурные особенности и в большей степени связано не с экономикой, а традицией. Российскую модернизацию часто называют традиционалистской, отмечая ее противоречивый характер: стремление к научно-техническому прогрессу и ориентация на Запад, но принятие лишь тех инноваций, которые соответствуют представлениям россиян о развитии. Выбор инноваций во многом зависит от их согласованности с традицией: «Одобряются инновации, устраняющие рутинные элементы деятельности, позволяющие сфокусироваться на ее творческих составляющих. Отрицается все, что ведет к деградации культуры, разрушению семьи, алгоритмизации действия и утрате позиции его субъекта. Сопротивление такого рода инновациям вполне осознано, редко бывает открытым, ориентировано на преобразование неприемлемых нововведений» [1. С. 20]. Следовательно, развитие — это не столько устойчивость в плане восстановления равновесия, как отмечают приверженцы системного подхода, но сохранение и воспроизводство традиции в новых исторических и технологических условиях: «традиции и инновации, будучи двумя сторонами общественного развития, находятся в сложном отношении, которое с известной степенью условности можно определить как их синкретизм, т.е. сочетание, соединение разнородных, разнонаправленных начал» [2. С. 47]. Традиция — это то, что сохраняет устойчивость общества, обеспечивает связь и преемственность между поколениями, поддерживает ценностные основания. Иными словами, традицию можно интерпретировать как составляющую процесса развития, обеспечивающую его устойчивость.

Одной из главных задач исследования, результаты которого представлены в статье, было изучение набора ценностей, которыми руководствуются студенты и преподаватели, взаимодействуя друг с другом в социальном пространстве университета. Также авторы стремились выяснить, как социальнорелигиозные практики и традиции (учебные, внеучебные, воспитательные и научные), передающиеся или нет, имеющие свою преемственность или

нарушающие ее, осуществляются в реалиях системы университетского образования. В 2018 году авторы провели полномасштабное исследование «Духовно-нравственная культура российского вуза» в светских и духовных вузах (рассматривались только учебные заведения Московского Патриархата). Светские вузы были представлены двумя крупнейшими университетами России — Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ) — и тремя региональными университетами — Тюменским государственным университетом (ТюмГУ), Самарским государственным техническим университетом (СамГТУ) и Севастопольским государственным университетом (СевГУ). В опросе студентов светских вузов приняли участие 2505 учащихся, в духовных школах были опрошены 492 семинариста. Далее представлен анализ данных, полученных в светских вузах, среди которых были те (МГУ и СПбГУ), что принимали участие и в исследовании 2012 года.

Метод исследования — массовый опрос учащихся по квотируемой выборке, где в качестве квот выступали не только пол, возраст, курс, но и профиль обучения — естественные науки, точные (технические), гуманитарные и социальные. Опрос проводился как с помощью онлайн-анкеты, так и у зданий вузов с помощью распечатанной анкеты и интервьюеров (особенно в МГУ и СПбГУ, где опрос проводился и в 2012 году). В анкете 2018 года, как и в опросе 2012 года, респондентам был предложен вопрос с высказываниями, относящимися к разным типам мотивации: самопреодоление, самоутверждение, открытость изменениям и сохранение. В авторской методике Ш. Шварца «совокупность ценностей представляет собой мотивационный континуум, мотивационные различия между ценностями могут рассматриваться скорее как непрерывные, чем как дискретные» [25. С. 45-46], по аналогии с цветовым спектром, который «можно разделить на более широкие или более узкие ценностные конструкты» [17. С. 424]. Сначала была создана шкала из 10 ценностей, затем она была расширена до 19. Как показало множество замеров, рабочей оказались обе шкалы, но с разницей в фиксации более узких ценностных конструктов. В исследовании мы использовали первый вариант шкалы Шварца.

Для обработки результатов был применен факторный анализ. Факторы извлекались методом главных осей с последующим косоугольным облиминвращением (варимакс с нормализацией Кайзера, мера КМО = 0.75, критерий сферичности Бартлетта <0.0001). Рассмотрим результаты факторного анализа более подробно: они представлены в Таблице 1 на примере ТюмГУ, взявшего курс на модернизацию и заявляющего об этом в своей образовательной программе. Для студентов ТюмГУ было выделено 5 факторов (>1), которые объясняют 51% дисперсии.

Таблица 1

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов ТюмГУ							
Ценности	Фактор						
	1	2	3	4	5		
важно быть уважаемым человеком	,723	,196	,197	-,042	-,004		
важно быть успешным	,696	,084	,114	,290	-,152		
важно быть богатым	,602	,179	-,325	,151	,128		
важно продемонстрировать свои способности	,506	,223	,150	,032	-,278		
важно иметь возможность повеселиться	,255	,769	,041	-,024	-,040		
важно хорошо проводить время	,155	,763	,040	,092	,143		
важен поиск приключений, риск	,103	,540	,166	,035	-,333		
важно помогать окружающим	,150	,008	,784	,074	,006		
важно понять других людей	-,068	,220	,599	,037	-,170		
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	,410	-,236	,584	-,062	,319		
важно быть верным другом	,045	,366	,495	,288	,098		
важно самому принимать решения	,035	,256	,033	,741	-,203		
важно жить в безопасном окружении	,195	-,146	,112	,741	,144		
важно быть скромным, держаться в тени	-,111	,036	,020	-,017	,849		

Первый фактор полностью совпадает с фактором самоутверждения Шварца. Данный фактор нагружает больше всего пункты: важно быть уважаемым человеком; важно быть успешным; важно быть богатым; важно продемонстрировать свои способности. В исследовании 2012 года этот фактор был столь же значим и занимал первое место у студентов МГУ и СПбГУ. Во второй фактор вошли 3 из 4 суждений, имеющих отношение к открытости изменениям (важно иметь возможность повеселиться, важно хорошо проводить время, важен поиск приключений). В исследовании 2012 года применительно к МГУ и СПбГУ эти значения факторов были обозначены как «гедонизм — склонность к инновациям/риску» [9. С. 564].

Третий фактор — забота о людях (важно помогать окружающим, важно выслушивать мнения не похожих людей, важно быть верным другом), также в этот фактор входит важность вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение, которое у студентов ТюмГУ ассоциируется с уважительным отношением к другим. Четвертый фактор объединяет открытость изменениям (важно самому принимать решения) и ценности сохранения (важно жить в безопасном окружении). Можно предположить, что независимость для молодежи — очень важное чувство, и отстаивание своих прав выступает гарантией безопасности. Последний фактор — одна позиция о важности скромности — самый непопулярный. Однако отечественные авторы, изучавшие российскую специфику применения шкалы Шварца, при многомерном шкалировании 19 ценностей сделали значимые для нас

уточнения: например, «репутацию лучше рассматривать как часть безопасности, а скромность — как часть конформизма» [13. С. 63], при этом традиция имеет те же основания, что и репутация, тяготея не к позициям конформизма, а безопасности. Непопулярность позиции «важно быть скромным» может говорить в том числе о снижении комформизма в студенческой среде.

Таким образом из 4 классических факторов Шварца самый невыраженный у молодежи ТюмГУ — фактор сохранения, который «размазан» по другим факторам и указывает на неактуальность избегания изменений, самоограничения и порядка [13. С. 51]. Это может объясняться как молодым возрастом респондентов, которые в полной мере не ощутили ответственность взрослой жизни (о чем говорит также высокая доля обеспеченных респондентов), так и тем, что их детство (в отличие от более старших поколений) пришлось на относительно благополучные 2000-е годы, что делает для них менее актуальными материалистические ценности и обуславливает их интерес к ценностям постматериалистическим.

Проведенный факторный анализ (Табл. 2) по всем вузам (КМО = 0,775) показал в целом схожую с ТюмГУ картину, с небольшими различиями по более выраженным ценностям сохранения и менее дифференцированным ценностям открытости изменениям и самоутверждения.

Таблица 2

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов по всем вузам						
Пошроти	Фактор					
Ценности	1	2	3	4		
важно иметь возможность повеселиться	,749	-,036	,137	-,097		
важно хорошо проводить время	,660	,101	,188	-,053		
важен поиск приключений, риск	,604	-,096	,241	-,188		
важно продемонстрировать свои способности	,535	,155	,150	,025		
важно быть богатым	,523	,323	-,436	,230		
важно быть уважаемым человеком	,500	,387	,010	,387		
важно жить в безопасном окружении	-,133	,737	,157	,043		
важно быть успешным	,459	,616	-,038	,079		
важно самому принимать решения	,188	,548	,236	-,357		
важно помогать окружающим	,095	,161	,726	,221		
важно понять других людей	,210	-,008	,581	,051		
важно быть верным другом	,254	,210	,536	,043		
важно вести себя правильно и избегать поступков, которые могут вызвать осуждение	-,019	,227	,275	,699		
важно быть скромным, держаться в тени	-,095	-,176	,050	,636		

Факторный анализ был проведен и по формам досуга студенческой молодежи. Рассмотрим его результаты на примере данных, полученных в ТюмГУ (использовался метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за 6 итераций, КМО=0,75, объясненная дисперсия = 49%) (Табл. 3).

Таблица 3

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов ТюмГУ (досуг)						
Формы досуга	Фактор					
	1	2	3	4	5	
путешествия по городам с экскурсией	,706	-,028	,066	,180	,041	
посещение театров, музеев	,654	,062	,279	,041	-,087	
поездки на море/отдых на природе	,644	,174	,126	,026	,059	
занятия спортом	,509	,107	-,242	-,135	,017	
посещение музыкальных концертов, клубов, рок-фестивалей	,506	,213	,151	-,021	,098	
занятия волонтерской работой	,290	,104	,215	,025	,107	
просмотр телевизора	,070	,752	-,154	-,066	-,226	
общение с друзьями и знакомыми по Интернету	-,050	,644	,193	,049	,427	
прогулки с друзьями	,233	,582	,065	,013	,055	
встречи с родными	,277	,561	,281	,071	-,015	
занятия творчеством	,106	,015	,772	-,014	,041	
чтение книг	,193	,126	,633	-,024	-,082	
молитва, чтение Евангелия, Псалтыри, Святых Отцов	,022	,007	-,045	,808,	,032	
посещение храма во время Богослужений	,062	,018	,027	,788	-,078	
игры в компьютерные игры	-,023	,035	,106	,013	,799	
игры в азартные игры на деньги или на «интерес»	,232	-,057	-,228	-,090	,564	

Первый фактор (путешествия по городам с экскурсией, театры и музеи, поездки на море/природу, спорт, фестивали) можно назвать фактором активного отдыха: он самый нагруженный, что может указывать как на реальную активность учащихся в досуговой деятельности, так и на их ожидания. К этому фактору примыкает волонтерская деятельность, хотя и со слабой факторной нагрузкой, но несколько ниже данная переменная нагружена на другие факторы, в первую очередь, на третий, что указывает на то, что волонтерство входит в досуг. Второй фактор (телевизор, общение по Интернету, прогулки с друзьями, встречи с родными) можно назвать пассивным отдыхом или отдыхом с близкими. Третий фактор (занимаюсь творчеством, читаю книги) связан с интересом к творчеству и саморазвитию. Четвертый фактор (молитва и чтение священных книг, посещение храма) — религиозное времяпрепровождение. Пятый (компьютерные игры и игры в карты) — это азартный отдых. Последние два фактора наименее популярны и не составляют досуг значительной части студенческой молодежи ТюмГУ.

Факторный анализ, проведенный по всем вузам, обнаружил схожую с ТюмГУ картину, указывая на набор общих досуговых практик студенческой молодежи как в столичных университетах, так и региональных. Вместе с тем заметна большая нагруженность первого фактора, включающая практики активного отдыха. Причем этот фактор размывается позициями «занимаюсь

творчеством», «читаю книги», которые в случае ТюмГУ составляли отдельный фактор «творчество и саморазвитие». По всем вузам наблюдается рост позиции «занимаюсь волонтерской работой», что, очевидно, характерно для студенчества в целом. Фактор, обозначенный нами как религиозное времяпрепровождение, становится третьим, обозначая наличие группы студенческой молодежи, участвующей в церковных таинствах и другой религиозной деятельности. Факторный анализ по всем вузам, при общей схожести досуговых практик, обнаружил их вариативность и гибкое сочетание (Табл. 4).

Таблица 4

Факторные нагрузки и корреляции между факторами у студентов по всем вузам (досуг)					м (досуг)	
Формы досуга	Фактор					
	1	2	3	4	5	
посещение театров, музеев	,655	,089	,078	,278	-,051	
чтение книг	,619	,051	,020	-,117	-,018	
занятия творчеством	,596	,166	-,012	-,220	-,001	
посещение музыкальных концертов, клубов, рок-фестивалей	,592	,122	-,033	,166	,136	
путешествия по городам с экскурсией	,454	,105	,091	,443	-,060	
занятия волонтерской работой	,344	,022	,062	,240	,162	
просмотр телевизора	-,182	,733	,039	,019	-,028	
встречи с родными	,258	,631	,037	,168	-,024	
общение с друзьями и знакомыми по Интернету	,234	,596	-,062	-,240	,266	
прогулки с друзьями	,232	,497	-,048	,178	,026	
поездки на море/отдых на природе	,383	,425	,037	,411	-,018	
молитва, чтение Евангелие, Псалтыри, Святых Отцов	-,017	-,003	,838	-,039	,061	
посещение храма во время Богослужений	,096	,002	,824	,047	-,034	
занятия спортом	-,025	,093	-,046	,705	,046	
игры в компьютерные игры	,064	,158	-,028	-,195	,753	
игры в азартные игры на деньги или на «интерес»	-,003	-,084	,061	,287	,723	

В концепции Иглхарта досуг является одной из основных постматериалистических ценностей [5], его разнообразие, о чем свидетельствуют полученные данные, указывает не только на имеющиеся возможности, но и на запросы студентов, которые неоднородны и связаны не только с развлечением, но и с познавательной деятельностью, общением, саморазвитием, спортом, помощью другим. В качестве отдельных запросов есть и религиозные, что свидетельствует о наличии группы религиозных студентов как в столичных, так и в региональных университетах.

Одним из важных для нас является показатель авторитета среди учащихся российских университетов. Согласно полученным данным, у студентов авторитеты есть, а те, кто заявил об их отсутствии, составили

меньшинство (3,8%). В качестве наиболее значимых авторитетных мнений назывались мнения родителей и ближайших родственников (первая позиция), на втором месте — ближайшие друзья. Это две основные группы авторитетов, чье мнение важно для студентов, к кому они готовы прислушиваться. Все остальные позиции имеют заметно меньшую долю, т.е. авторитеты присутствуют, но круг их довольно узок. Очевидны различия в ответах респондентов столичных и региональных вузов: для учащихся МГУ и СПбГУ в гораздо меньшей степени значим авторитет родителей (семьи), чем для студентов ТюмГУ, СамГТУ, СевГУ, и в большей степени заметно влияние друзей. Для студентов Московского и Санкт-Петербургского университетов в большей мере характерен авторитет преподавателей, публичных персон и ученых (чем по выборке в целом). А вот авторитет школьного учителя низок по всем вузам, что не может не вызывать тревоги, так как это связано с процессом социализации личности.

О ценности семьи косвенно свидетельствуют и ответы на вопрос об отношении студентов к основным христианским заповедям (ветхозаветным и новозаветным). Наибольшее согласие среди учащихся (столичных и региональных вузов) получило высказывание о почитании родителей, но в региональных вузах доли согласившихся с этой заповедью заметно больше, чем в МГУ и СПбГУ. Наименьшее принятие у студентов вызывает заповедь о несопротивлении злу («кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»), особенно это касается учащихся СПбГУ, где с заповедью полностью или частично согласны всего 9,8% опрошенных. Несмотря на высокую значимость дружбы и друзей как авторитетов, с высказыванием о необходимости «положить душу за други своя» как проявлением высшей дружеской любви согласились меньше половины опрошенных. Лишь в МГУ и СевГУ согласных с тем, что любовь, как и дружба, могут быть связаны с ограничениями и лишениями (по 52%). Не получила поддержки и заповедь о поклонении единому Богу, что, скорее всего, свидетельствует об отсутствии соответствующего дискурса в студенческой среде.

Весьма показательны ответы респондентов о том, за кого они готовы нести ответственность. Согласно полученным данным, ответ «ни за кого» не доминирует ни в одном из университетов. В первую очередь учащиеся вузов готовы нести ответственность за себя и свою семью, затем за друзей и лишь в последующую очередь за детей (в обозримом будущем). Вместе с тем и здесь ценность семьи гораздо выше для студентов региональных вузов — учащиеся МГУ и СПбГУ в меньшей степени готовы нести за нее ответственность. При этом в университетах Москвы и Санкт-Петербурга (при небольших показателях по выборке в целом) выше доли тех, кто готов нести ответственность за страну и человечество, а также за своих одногруппников. Можно предположить, что это связано как с престижем университетов, которые формируют у учащихся представление о будущей деятельности широкого масштаба, так и со спецификой российских столичных городов, которые,

в отличие от региональных центров, предоставляют больше возможностей для реализации ответственности.

В заключение рассмотрим ответы студентов на вопросы, которые условно можно отнести к показателям уровня толерантности, — об отношении к людям иной национальности и важности религиозной веры в жизни человека. В анкете мы просили учащихся оценить предлагаемые суждения по 10-бальной шкале, где 1 балл означал полное несогласие, а 10 — полное принятие. В результате по всем вузам на вопрос «Считаете ли Вы, что к людям других национальностей следует относиться с уважением?» был получен средний балл 9, а в СамГТУ — 8; на вопрос «Насколько важной, на Ваш взгляд, в жизни человека является его религия?» — по всем вузам средний балл 5, а в СевГУ — 6. Иными словами, средние оценки показали максимальную степень солидарности учащихся с утверждением, что к людям другой национальности следует относиться с уважением. Подобное проявление толерантности может быть следпроводимой российскими властями политики, распространения либеральных европейских ценностей, но может быть и стандартным ответом современного гражданина. Тогда как ответы на вопрос о важности религиозной веры в жизни человека не столь однозначны и указывают, видимо, на индифферентное отношение к вопросам религии, а могут свидетельствовать о принятии студентами ценностей постсекулярного общества когда религия и вера становятся личным делом каждого.

\*\*\*

Проведенное исследование показало универсализм ценностей российских студентов, которые способны быть гибкими в отношении как процессов модернизации, так и сохранения российской ценностной специфики. Так, при высокой значимости ценностей самоутверждения (что, согласно Р. Инглхарту, характеризует постматериализм), не менее выражены и ценности сохранения; при высокой значимости досуга в целом и тяготении к активному отдыху, прослеживается и нацеленность на волонтерскую деятельность и помощь другим (особенно в столичных университетах). Наиболее значимой ценностью для студенческой молодежи по-прежнему остается семья, причем в большей степени для учащихся региональных вузов. Для студентов МГУ и СПбГУ важна и дружба, но вместе с тем готовность постоять за друга, чем-то пожертвовать, как и ожидалось, развита не у всех, что скорее всего говорит о редкости таких качеств в целом, чем о крайнем индивидуализме студенческой молодежи.

У современной студенческой молодежи есть четкие авторитеты, и, хотя это преимущественно родители и друзья, т.е. ближайшее окружение, студенты готовы прислушаться и к авторитетам за пределами этого круга, особенно учащиеся столичных университетов, у которых круг авторитетов несколько шире. Назвать нынешних российских студентов безответственными нельзя — напротив, большинство из них готово (по крайней мере

декларируют это) нести ответственность не только за себя, но и за своих близких, прежде всего семью, особенно учащиеся региональных университетов, а у студентов МГУ и СПбГУ круг ответственности еще шире. В сфере религиозности мы видим, что при наличии небольшой группы, выбирающей в качестве досуга религиозные практики, основная масса учащихся проявляет индифферентное отношение к религии (особенно студенты СПбГУ), что может быть проявлением постсекулярного общества, где вера, как и религиозные убеждения — сфера частной жизни. Следует отметить также снижение конформизма в студенческой среде и то, что для большинства студентов безопасность связана с самостоятельностью. В этом смысле учащиеся российских вузов пытаются быть или казаться более независимыми, чем прежде (например, в сравнении с данными 2012 года).

### Информация о финансировании

Первая волна исследования (2012) финансировалась Министерством образования и науки, вторая (2018) — Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом в рамках ежегодной научной работы.

### Библиографический список

- [1] *Аксенова О.В., Халий И.А.* Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. 2018. № 24.
- [2] *Вебер А.Б.* Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. 2018. № 24.
- [3] Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и их познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013.
- [4] Иванов В.Н. Политическая социология. М., 2000.
- [5] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
- [6] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- [7] *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03. М., 2010.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [9] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [10] Панарин А.С. Православная цивилизация. М., 2014.
- [11] *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Петрова А.А., Козлов И.И., Пахарь А.М.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
- [12] *Титаренко Л.Г.* Современная социальная теория и национальные традиции // Социологический альманах. 2011. № 2.
- [13] *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. Т. 9. № 1.
- [14] Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Anthropology. Oxford, 2003.
- [15] Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York, 1992.
- [16] Birkmann J. Measuring Vulnerability to Natural Hazards. Towards Disaster Resilient Societies. New York, 2006.

- [17] Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72.
- [18] Folke C., Biggs R., Norström A.V., Reyers B., Rockström J. Social-ecological resilience and biosphere-based sustainability science // Ecology and Society. 2016. Vol. 21. No. 3.
- [19] *Goldstone J.* Understanding the revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90.
- [20] Gunderson L.H., Allen C.R., Holling C.S. (Eds.) Foundations of Ecological Resilience. Island Press, 2009.
- [21] Luhmann N. Das Moderne der modernen Gesellschaft // Beobachtungen der Moderne. Opladen, 1992.
- [22] McCarthy D.D.P., Crandall D.D., Whitelaw G.S., General Z., Tsuji L.J. A critical system approach to social learning: Building adaptive capacity in social, ecological, epistemological (SEE) systems // Ecology and Society. 2011. Vol. 16. No. 3.
- [23] Reggiani A. Network resilience for transport security: Some methodological considerations // Transport Policy. 2013. Vol. 28.
- [24] Schwartz S.H. Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences. M., 2008.
- [25] Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 25. N.Y., 1992.
- [26] Schwartz S.H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. Vol. 18. No. 2.
- [27] Walker B., Salt D. Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World. Island Press, 2012.
- [28] Walker W., Chapin F.S., Kofinas G.P., Folke C., Carpenter S.R., Olsson P., Abel N., Biggs R., Naylor R.L., Pinkerton E., Stafford Smith D.M., Steffen B.H., Young O.R. Resilience-based stewardship: Strategies for navigating sustainable pathways in a changing world // Principles of Ecosystem Stewardship: Resilience-Based Natural Resource Management in a Changing World. N.Y., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109

## The student youth's universal values and the Russian society development\*

### I.P. Ryazantsev<sup>1</sup>, M.A. Podlesnaya<sup>2</sup>, I.V. Bogdan<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities *Novokuznetskaya St., 23 B, Moscow, 115184, Russia* 

<sup>2</sup>Institute of Sociology of FCTAS RAS *Krzhizhanovskogo St.*, 24/35–5, *Moscow*, 117218, *Russia* 

<sup>3</sup>Research Institute for Health Care Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health Care *Sharikopodshipnikovskaya St., 9, Moscow, 115088, Russia* (e-mail: dekan-soc@mail.ru; yamap@yandex.ru; BogdanIV@zdrav.mos.ru)

**Abstract.** In recent decades, the concept of sustainable development has become the key theoretical focus for most countries. Traditions and values play an important role in ensuring sustainable

<sup>\* ©</sup> I.P. Ryazantsev, M.A. Podlesnaya, I.V. Bogdan, 2021 The article was submitted on 13.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

development, including the attitudes of the younger generation, especially of the student youth who plan their professional future in Russia or abroad. The student youth preferences largely determine the country's development strategy and the assessment of its human capital. In 2018, the authors conducted the second wave of the empirical study "Spiritual-moral culture of the Russian university" (first wave – in 2012) which focused on the values of students of such leading universities as the Lomonosov Moscow State University and Saint Petersburg State University, and of such regional universities as the Tyumen State University, Samara State Technical University and Sevastopol State University. The research was conducted by a mass survey of 2505 students, including an online questionnaire. The concept of traditionalist modernization was used as an explanatory model. The article presents the results of the factor analysis of students' value orientations according to the Schwartz scale and of students' leisure practices, and also such indicators as authority, responsibility and tolerance of students. The authors come to the conclusion about the youth's universal values that are quite flexible in relation to both modernization and preservation of the Russian specifics, which is somewhat different from the 2012 study with a more evident commitment to traditionalism. The authors interpret this fact as a generational feature of people born in the prosperous 2000s, which proves the gradual transition of the Russian society to the universal values, a combination of different value foundations and a departure from paternalistic attitudes. The article presents the results of the comparative analysis of some priorities of metropolitan and regional universities' students, identifies the specifics of both types of universities, which allows to stress the different degrees of values' universalism.

**Key words:** Russian university; metropolitan and regional university; student youth and their values; sustainable development; traditionalist modernization; Schwartz scale; factor analysis; universal values

#### **Funding**

The first wave of the study (2012) was supported by the Ministry of Education and Science, the second wave (2018) — by the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities as a part of the annual scientific work.

#### References

- [1] Aksenova O.V., Khaliy I.A. Sovremennoe razvitiye. K postanovke temy issledovaniya [Contemporary development. On choosing the research topic]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 24. (In Russ.).
- [2] Weber A.B. Paradoksy sovremennogo razvitiya: chelovechestvo u razvilki istorii [Paradoxes of contemporary development: Mankind on the edge of historic bifurcation]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 24. (In Russ.).
- [3] Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo deystviya: klyuchevye kategorii i ikh poznavatelnyy potentsial [Theory of communicative action: Key categories and their cognitive potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys-stadi*. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [4] Ivanov V.N. Politicheskaya sotsiologiya [Political Sociology]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [5] Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [6] Luhmann N. *Sotsialnye sistemy. Ocherk obshchey teorii* [Systems Theory]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
- [7] Magun V.S., Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezhdu rossi-yanami i drugimi evropeytsami* [Basic Values-2008: Similarities and Differences Between Russians and other Europeans]. Preprint WP6/2010/03. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (part 1)]. RUDN Journal of Sociology. 2018; 18 (1). (In Russ.).

- [9] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
- [10] Panarin A.S. Pravoslavnaya tsivilizatsiya [Orthodox Civilization]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [11] Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Petrova A.A., Kozlov I.I., Pakhar A.M. Tsennostnye orientatsii studencheskoy molodezhi v vuzakh svetskoy i religioznoy napravlennosti [Value orientation of the student youth in religious and secular universities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3). (In Russ.).
- [12] Titarenko L.G. Sovremennaya sotsialnaya teoriya i natsionalnye traditsii [Contemporary social theory and national traditions]. *Sotsiologichesky Almanakh*. 2011; 2. (In Russ.).
- [13] Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individualnykh tsennostey: primenenie v Rossii [A clarified theory of basic individual values: Application in Russia]. *Psikhologiya*. 2012; 9 (1).
- [14] Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Anthropology. Oxford; 2003.
- [15] Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York; 1992.
- [16] Birkmann J. Measuring Vulnerability to Natural Hazards. Towards Disaster Resilient Societies. New York; 2006.
- [17] Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: The adequacy of the European social survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*. 2008; 72.
- [18] Folke C., Biggs R., Norström A.V., Reyers B., Rockström J. Social-ecological resilience and biosphere-based sustainability science. *Ecology and Society*. 2016; 21 (3).
- [19] Goldstone J. Understanding the revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies. *Foreign Affairs*. 2011; 90 (3).
- [20] Gunderson L.H., Allen C.R., Holling C.S. Foundations of Ecological Resilience. Island Press; 2009.
- [21] Luhmann N. Das Moderne der modernen Gesellschaft. *Beobachtungen der Moderne*. Opladen; 1992.
- [22] McCarthy D.D.P., Crandall D.D., Whitelaw G.S., General Z., Tsuji L.J. A critical system approach to social learning: Building adaptive capacity in social, ecological, epistemological (SEE) systems. *Ecology and Society*. 2011; 16 (3).
- [23] Reggiani A. Network resilience for transport security: Some methodological considerations. *Transport Policy*. 2013; 28.
- [24] Schwartz S.H. Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences. Moscow; 2008.
- [25] Schwartz S.H. Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. M. Zanna (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. New York; 1992.
- [26] Schwartz S.H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*. 1997; 18 (2).
- [27] Walker B., Salt D. Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World. Island press; 2012.
- [28] Walker W., Chapin F.S., Kofinas G.P., Folke C., Carpenter S.R., Olsson P., Abel N., Biggs R., Naylor R.L., Pinkerton E., Stafford Smith D.M., Steffen B.H., Young O.R. Resilience-based stewardship: Strategies for navigating sustainable pathways in a changing world. *Principles of Ecosystem Stewardship: Resilience-Based Natural Resource Management in a Changing World*. New York; 2009.